A PROPOS DE NOUVEAUX TROUBLES

Par *M. Dragomanov.*

НА КАНУНѢ НОВЫХЪ СМУТЪ

I.

Настоящій моментъ въ Россіи и З. Европѣ такъ похожъ на тотъ, который мы пережили въ концѣ 60-хъ годовъ, что даже неизбѣжныя отличія ихъ обоихъ имѣютъ больше количественный, чѣмъ качественный характеръ.

Убіеніе Александра II повторяетъ въ большихъ размѣрахъ покушеніе Каракозова въ 1866 г., Толстовская реакція возобновляетъ въ сильнѣйшихъ размѣрахъ Шуваловскую III-е Отдѣленскую боярщину. Съ другой же стороны въ З. Европѣ явно растетъ соціальное движеніе, которое, хотя на этотъ разъ и не имѣетъ, какъ въ 60-е годы, общеевропейскаго представителя въ видѣ тогдашняго Международнаго Общества Рабочихъ (l'Internationale) но въ сущности теперь гораздо глубже и сильнѣе, выражаясь какъ въ организованныхъ національныхъ рабочихъ партіяхъ, такъ и въ разнообразныхъ рабочихъ, а на этотъ разъ кромѣ того и крестьянскихъ, обществахъ и группахъ. Даже не очень увлекаясь параллелизмомъ, можно усмотрѣть сходство и въ постановкѣ вопросовъ внѣшней политики: какъ тогда угрожали миру Европы вопросы объединенія Италіи и Германіи, такъ теперь грозою висятъ въ воздухѣ вопросы *восточные*.

Каковъ можетъ быть исходъ этихъ послѣднихъ вопросовъ, какъ отразится ихъ ходъ на внутренней жизни европейскихъ народовъ, сказать трудно. Одно лишь вырисовывается довольно ясно: если только оффиціальные представители воинствующаго германизма хотятъ завершить вѣковой натискъ послѣдняго на славянство (Drang nach Osten) подчинить себѣ окончательно бассейнъ Вислы, пробиться къ Эгейскому морю, а можетъ быть и къ Черному, — то лучшаго момента для этого, какъ теперешній, — время полнаго маразма Россіи, найти имъ нельзя.

Но внутреннее положеніе з. европейскихъ странъ, по крайней мѣрѣ тѣхъ изъ нихъ, которыя имѣютъ сколько нибудь прочную политическую свободу, на столько ясно,

что уже и теперь не трудно предвидѣть, какое направленіе приметъ въ нихъ современное броженіе и какіе ближайшіе исходы оно будетъ имѣть.

Въ великой Британской Имперіи, — въ этой странѣ вѣковой свободы и политической мудрости, гдѣ теперь, послѣ недавнихъ Гладстоновскихъ реформъ, государственный строй получилъ широкую демократическую основу, все даетъ основаніе ожидать болѣе или менѣе мирнаго разрѣшенія назрѣвшихъ вопросовъ: ирландскаго, въ его политической и соціальной части, послѣ котораго неизбѣжно разрѣшится вопросъ земельный и въ Великобританіи, въ смыслѣ болѣе или менѣе скорой и полной *націонализаціи* земли, а рядомъ вопросъ мѣстнаго и областнаго самоуправленія (графствъ, а также Шотландіи и Уельса въ цѣломъ), и наконецъ приступлено будетъ къ организаціи всеимперскаго федеральнаго представительства (съ соотвѣтственными реформами управленія Индіей). Эта организація Британской Федераціи, скинувъ съ метрополіи часть расходовъ на военную силу и урегулировавъ экономическія отношенія метрополіи съ колоніями, а также колонизацію, облегчитъ приступъ къ соціальнымъ реформамъ, касающимся фабричнаго населенія.

Есть основанія ожидать подобнаго же хода соціальнаго вопроса и въ С. Штатахъ Америки и во Франціи. Въ первыхъ скопленіе разнокалиберныхъ энергичныхъ элементовъ должно вызывать бунтарскія движенія*), но въ то же время демократическое правленіе дастъ легкую возможность народнымъ стремленіямъ восходить на самые верхи государственной машины и разрѣшаться легально. По этому и въ послѣднюю минуту тамъ, рядомъ съ явленіями, которыя въ другой, менѣе свободной странѣ, имѣли бы своимъ послѣдствіемъ реакцію, — мы видимъ посланіе президента союза о необходимости политики, болѣе благопріятной рабочимъ. Во Франціи, гдѣ теперь, благодаря политической свободѣ и соотвѣтственной сдержанности правительства, рабочія стачки отличаются небывалымъ прежде спокойствіемъ, — съ разныхъ сторонъ, а не отъ однихъ только коммунистовъ, раздаются голоса о необходимости регулировать эксплуатацію рудъ, какъ національной собственности, и вообще заняться вопросомъ установленія бо́льшей «соціальной справедливости».

*) Надо помнить, что главные теоретики соціалистическаго «терроризма» въ Америкѣ: Мостъ и тов. нѣмцы.

Въ Швейцаріи господствующая теперь радикальная партія громко говоритъ о необходимости встрѣтить начинающуюся во всемъ мірѣ эпоху соціальныхъ волненій уступками рабочему классу.

Болѣе грозны отношенія въ Бельгіи и Италіи, гдѣ еще нѣтъ поголовной подачи голосовъ. Но и здѣсь видно, что современное, въ основѣ своей соціально-экономическое броженіе, направится прежде всего на довершеніе конституціоннаго строя введеніемъ поголовной подачи голосовъ и другихъ соотвѣтственныхъ политическихъ вольностей, — которыхъ требуютъ въ обѣихъ странахъ какъ «буржуазно радикальныя» партіи, такъ и наиболѣе плотно организованная часть рабочихъ: партіи соціалистическія, недавно заявившія свои программы на конгрессахъ въ Гентѣ и Мантуѣ. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что, давъ своему демосу доступъ къ политической дѣятельности, Бельгія и Италія войдутъ въ колею соціальныхъ реформъ, конечно, не безъ частныхъ колебаній и потрясеній, которыя будутъ вызывать и здѣсь, какъ и вездѣ, въ «слабомъ» человѣчествѣ, узкопонятые интересы и страсти.

Гораздо темнѣе ближайшее будущее въ Германіи и Австріи, въ которыхъ политическая свобода еще очень ограничена и въ послѣднее время все болѣе урѣзуется исключительными законами. Но въ Германіи очевидно съ каждымъ годомъ усиленіе соціальныхъ демократовъ, — партіи. которая успѣла организоваться въ эпоху сравнительной свободы и которая во многихъ отношеніяхъ соотвѣтствуетъ крайнимъ радикаламъ англійскимъ и французскимъ и, безъ полицейскихъ гоненій имп. Вильгельма и кн. Бисмарка, конечно превратилась бы въ довольно мирную практическую партію соціальныхъ реформъ. Теперь кн. Бисмаркъ, который уже прежде успѣлъ создать фракцію Моста, видимо ведетъ дѣло къ крупному кровавому столкновенію. Въ Австріи,— гдѣ еще вполнѣ господствуетъ цензовая избирательная система и гдѣ массы населенія не имѣли и той практики политической свободы, какую давали германцамъ мелкія государства стараго Союза до подчиненія ихъ Пруссіи, — среди рабочаго населенія почти не существуетъ соціальныхъ демократовъ, а за то сильно направленіе террористическое, въ духѣ идей Моста. Въ селахъ же наиболѣе отсталой провинціи, Галиціи, гдѣ для полиціи, находящейся въ рукахъ шляхты,

почти не писана конституція, — достаточно даже нелѣпаго слуха чтобъ взволновать крестьянское населеніе и сдѣлать возможнымъ повтореніе знаменитой рѣзни пановъ польскими крестьянами въ 1846 г. Хотя и въ Австріи есть уже зачатки радикальной партіи (пока впрочемъ почти исключительно среди нѣмцевъ и не безъ примѣси національно-нѣмецкаго централизма, а потому пока безъ большой надежды на распространеіе среди не нѣмецкихъ народовъ) а также партіи крестьянской (въ крестьянскихъ союзахъ, Bauernvereine, — которые впрочемъ пока еще слишкомъ зависятъ отъ старыхъ партій) но уже одна слабость этихъ зачатковъ вызываетъ опасенія, что предстоящее демократическое движеніе въ этой странѣ не обойдется безъ сильныхъ кровавыхъ потрясеній.

Если европейское соціальное движеніе 1865—1872 гг. перешло черезъ границы Россіи, то можно ли думать, что теперь оно остановится передъ царскими заставами? Конечно, нельзя, такъ какъ съ тѣхъ поръ количество связей Россіи съ З. Европой увеличилось.

Не трудно предсказать, какое изъ двухъ теченій европейскаго соціальнаго движенія должно болѣе отразиться въ Россіи, если теперешній политическій строй ея останется безъ перемѣны: агитаціонно-парламентское, или террористически-бунтарское? Для перваго въ теперешней Россіи нѣтъ мѣста; даже правильныя вѣсти о немъ останавливаются цензурой. Теперешнимъ правителямъ Россіи все политико-соціальное движеніе въ З. Европѣ представляется бунтомъ, анархіей, — и они естественно стараются смѣшать и въ понятіяхъ своихъ подданныхъ всѣ прогрессивныя партіи въ З. Европѣ съ анархистами и террористами, а особенно партіи соціалистическія. Такимъ образомъ русское правительство само дѣлаетъ террористическому бунтарству пропаганду среди грамотнаго населенія Россіи. А такъ какъ теперешніе аграрные, фабричные и полицейскіе порядки въ Россіи уже и сами по себѣ вызываютъ опыты «погромовъ», поджоговъ, убійствъ и т. п., — то получается и практическая почва для подобной пропаганды.

Въ настоящую минуту, — что бы не говорили наши правители и ихъ прислужники, — ***анархистовъ-террористовъ нѣтъ въ Россіи даже между т. н. «крамольниками».***

Здѣсь мы должны сдѣлать небольшое детальное объясненіе. Въ 70-е годы многіе изъ русскихъ соціалистовъ признавали себя «анархистами», присоединяясь къ тѣмъ

европейскимъ соціалистомъ, которые усвоили себѣ идеи Прудона и федералистическихъ секцій Интернаціонала объ «анархіи», (безвластіе, самоуправленіе). Но этотъ старый, прудоновскій, ан-архизмъ имѣетъ очень мало общаго съ новымъ, террористическимъ. Въ русскихъ кружкахъ 70-хъ годовъ анархическое отрицаніе всякаго государственно-политическаго принужденія, приводило скорѣе къ мирному пропагандизму, чѣмъ къ какому бы то ни было насильственному революціонаризму (См. судебную рѣчь анархистки Бардиной). Но и этотъ прежній анархизмъ совсѣмъ почти испарился у русскихъ соціалистовъ, даже у тѣхъ, которые принадлежали къ анархическимъ кружкамъ 70-хъ годовъ и потомъ сохранили какое бы то ни было активное прикосновеніе къ текущей политикѣ. Теперь одни изъ нихъ, болѣе послѣдовательные, стали просто политическими федералистами, другіе же перешли въ разныя централистическія фракціи: «народовольцевъ», или же соціал-демократовъ, и во всякомъ случаѣ относятся отрицательно къ новѣйшему террористическому анархизму (изъ печатныхъ заявленій см. напр. Степняка въ The Russian Storm-cloud, London, 1886, pp. 175—207, а съ другой стороны заявленія «группы Освобожденія Труда», которая радикально перешла къ государственнымъ идеямъ нѣмецкихъ соціал-демократовъ). Фигура русскаго «апостола разрушенія», Суварина, въ романѣ Золя «Germinal» есть по этому теперь полный анахронизмъ, — хотя несомнѣнно, что русскія вліянія играли извѣстную долю участія въ возбужденіи террористическаго анархизма и въ З. Европѣ, какъ косвенно, черезъ терроризмъ политическій, — (объ этомъ мы говорили въ брошюрѣ La tyrannicide en Russie еще въ 1881 г.) такъ и прямо, — чрезъ пропаганду Бакунина. Но у этаго послѣдняго терроризмъ привязывался не столько къ заимствованному у Прудона анархизму, сколько къ особой доктринѣ т. наз. *парлефетизма* (пропаганда дѣйствіемъ, par les faits) которая у Бакунина представляла смѣсь въ сущности противнаго анархизму бланкистскаго «вспышкопускательства» съ русско-народническимъ культомъ разбойниковъ: Ст. Разина и Пугачева и ихъ отголосковъ. Въ настоящее время и этотъ парлефетизмъ испарился въ русскихъ кружкахъ и проповѣдуется только у западноевропейскихъ анархистовъ, — между которыми (характерно!) видную роль играютъ агенты-провокаторы и шпіоны *). Такъ какъ среди этихъ новыхъ анархистовъ

*) Послѣднее доказано документально признаніями б. парижскаго

выступаетъ русскій эмигрантъ, кн. П. Крапоткинъ, то отсюда многіе, и въ З. Европѣ, а особенно въ Россіи, заключаютъ о распространеніи новаго анархизма и среди русскихъ. Но во первыхъ, по заявленію компетентныхъ людей, кн. Крапоткинъ, по выѣздѣ изъ Россіи еще въ 1876 г., не имѣлъ никакого прикосновенія къ русскимъ дѣламъ, (см. Степняка, La Russia Sotterranea, 94) а во вторыхъ въ подписанныхъ своихъ статьяхъ и напечатанныхъ рѣчахъ, напр. въ сказанной передъ судомъ, въ Ліонѣ и по выходѣ изъ тюрьмы, въ Парижѣ, кн. Крапоткинъ не выступаетъ съ проповѣдью убійствъ, поджоговъ, грабежей и п. дѣйствій, проповѣдываемыхъ и совершаемыхъ новыми французскими и нѣмецкими анархистами, а ограничивается только изложеніемъ общихъ идей безгосударственнаго коммунизма, проповѣдью своего рода милленаризма, весьма невиннаго и чуждаго не только террористическаго, но даже какого бы то ни было политическо-экономическаго элемента.

Но если въ настоящую минуту среди русскихъ нѣтъ теоретиковъ соціальнаго террора, — то они неизбѣжно явятся въ непродолжительномъ времени, и какъ порожденіе мѣстной почвы, и какъ отраженіе соотвѣтственнаго европейскаго движенія, если только внутреннія условія Россіи не измѣнятся. Изъ этихъ условій два особенно должны быть благопріятны такому появленію: 1) правительственная реакція съ дворянскимъ направленіемъ и 2) апатія либеральной оппозиціи. Эти два условія въ 60-е годы, въ Шуваловскую эпоху, породили т. н. политическій нигилизмъ, выступившій на практическую арену въ 70-е годы. Одинаковыя причины должны произвести и одинаковыя послѣдствія. Теперь, какъ и тогда, починъ движенія долженъ выйдти отъ учащейся молодежи, — которая «пойдетъ въ народъ», бросивши школы, на этотъ разъ тѣмъ охотнѣе, что теперь, университеты, послѣ новаго устава, еще болѣе стѣснившаго и научную свободу, и товарищескую жизнь, стали еще менѣе привлекательны для молодежи.

Уже и теперь министерство нар. просвѣщенія, въ недавнемъ циркулярѣ, пожаловалось, что «крамола» начинаетъ опять привлекать въ свои сѣти учащуюся молодежь. Покамѣсть министерство сваливаетъ бѣду съ своей

префекта Andrieux и процессами прусскихъ агентовъ въ Швейцаріи. Интересно, что и россійскій полицейскій политикъ, Судейкинъ, издавалъ было въ Женевѣ въ 1882—83 г. террористическо-анархическую (и противуконституціонную!) газету «Правда».

больной головы на чужую, во всякомъ случаѣ болѣе здоровую. Много разъ мы печатно имѣли случай доказывать, что «студенческія волненія» и вообще преждевременное привлеченіе молодежи къ политической акціи — крайне невыгодны именно для оппозиціи и революціи, такъ какъ рекрутируютъ армію послѣднихъ весьма слабыми личностями и лишаютъ ее корней въ дѣловой части общества. Мы можемъ документально доказать, что такое мнѣніе, сначала дѣйствительно изолированное въ «запрещенной» печати, — въ послѣднее время стало въ ней преобладающимъ, такъ что недавно одинъ, такъ сказать «отъявленно крамольный авторъ», редакторъ Вѣстника Народной Воли, г. Тихомировъ, въ книгѣ «La Russie Politique et Sociale» призналъ студенческія волненія дѣломъ безполезнымъ и даже бѣдственнымъ для страны, хотя и неибѣжнымъ при теперешнихъ школьныхъ и общественныхъ порядкахъ въ Россіи. (Op. cit., 264, 333—334).

Ни какими кадетскими порядками, ни солидарностію учебныхъ властей съ полицейскими и жандармами, — проповѣдуемою министерскимъ циркуляромъ, ни «отсѣченіемъ зараженныхъ членовъ» нельзя предупредить ни волненій студентскихъ, изъ за причинъ чисто корпоративныхъ, ни броженія въ молодежи, изъ за вопросовъ соціально-политическихъ, — а можно достигнуть только совершенно противуположныхъ результатовъ. Когда доносется до молодежи въ Россіи шумъ западноевропейскаго соціальнаго движенія и когда послѣднее встрѣтитъ себѣ параллель и въ Россіи въ стачкахъ, погромахъ, бунтахъ, аграрныхъ преступленіяхъ и т. п., — тогда неизбѣжно найдутся голоса, которые опять крикнутъ: «бросьте школы и идите въ народъ!», — и молодежь опять пойдетъ въ народъ, — только на этотъ разъ уже, навѣрное, не съ брошюрками, а съ кинжалами, револьверами и зажигательными спичками, если не съ динамитомъ *).

*) Приготовительныя признаки такого будущаго можно усмотрѣть подъ разными формами уже и теперь. Такъ напр. даже пріятный многимъ консерваторамъ успѣхъ вѣры гр. Л. Н. Толстаго между учащейся молодежью (успѣхъ, конечно, свидѣтельствующій о большой «свободѣ отъ наукъ» въ русскомъ обществѣ) очень напоминаетъ ту мистическую и антикультурную струю, которая замѣчалась въ прологѣ русскаго соціально-революціоннаго движенія 70-хъ годовъ и выражалась между прочимъ то въ т. наз. «богочеловѣкахъ», то въ Нечаевско-Бакунинской идеализаціи мужицкаго бунтарства и проповѣди разрушительнаго *аморфизма*, какъ начала соціальнаго перерожденія. Ничего,

Каковы будутъ послѣдствія этаго вторичнаго «крестоваго похода дѣтей» и параллельнымъ ему волненій черни, сказать заранѣе трудно. Мы слышали мнѣнія отъ людей далеко не крайнихъ, которые, не ожидая ничего добраго отъ правительства, въ тоже время сомнѣваются въ способности нашей либеральной оппозиціи проявить какую бы то ни было энергію въ борьбѣ противъ этого правительства, и думаютъ, что только серьезныя волненія черни противъ высшихъ классовъ могутъ дать толчокъ къ реформѣ, а потому и полагаютъ, что какою бы цѣною ни оплатился этотъ толчокъ, — все таки онъ будетъ полезенъ для Россіи. Мы позволяемъ себѣ думать, что всякое хаотическое и основанное исключительно на страстяхъ, а равно и на мистицизмѣ и фантастическихъ представленіяхъ о дѣйствительности, движеніе ведетъ скорѣе къ отрицательнымъ, чѣмъ къ положительнымъ результатамъ и во всякомъ случаѣ обходится гораздо дороже самыхъ возможно благопріятныхъ его пріобрѣтеній. А потому мы полагаемъ, что мыслящіе люди должны заранѣе принять всѣ возможныя мѣры, чтобъ предупредить грозящую Россіи растрату силъ и направить предстоящее движеніе къ наиболѣе полезному для нея исходу.

Мы не видимъ, для такого предупрежденія и направленія, другаго средства, какъ только въ *организованномъ и энергичномъ дѣйствіи зрѣлыхъ возрастомъ и образованіемъ общественныхъ элементовъ къ установленію въ Россіи политической свободы* (правъ человѣка и гражданина и самоуправленія мѣстнаго и государственнаго) съ возможно широкой программой *соціально-экономическихъ реформъ* *).

Нѣтъ возможности, да и надобности, заранѣе опредѣлить средства для достиженія намѣченныхъ сейчасъ цѣлей. До-

что гр. Л. Толстой учитъ не противиться злу. Полиція отучитъ его послѣдователей отъ этого догмата и пробудитъ въ нихъ темпераментъ. Рядомъ съ этимъ и правительственная нечаевщина новаго университетскаго устава и министерскихъ къ нему разъясненій, въ сущности упразднившихъ въ Россіи преподаваніе наукъ политическихъ, а также очистка библіотекъ и печати отъ «вредныхъ» идей, должна открыть молодежь вліянію крѣпкихъ словъ разныхъ террористическихъ теорій, — которыя, вслѣдствіе свободы отъ болѣе сложныхъ наукъ, тѣмъ легче могутъ сойти за послѣднее слово ученія «соціальнореволюціоннаго».

*) Соотвѣтственную этимъ нашимъ идеямъ политическую и соціально-экономическую программу любопытствующій читатель можетъ найти въ особой книжкѣ—«Вольный Союзъ», изданной нами въ 1884 г.

вольно будетъ на первый разъ, если необходимость ихъ будетъ сознана извѣстнымъ количествомъ лицъ и если эти лица рѣшатся тотчасъ же приступить къ *организаціи правильныхъ обществъ* для дѣйствія въ означенныхъ цѣляхъ, сообразно обстоятельствамъ, какъ наличнымъ, такъ и могущимъ представиться съ теченіемъ времени. Пусть бы такія общества составились сначала совершенно изолированно по разнымъ мѣстамъ Россіи; въ близкомъ будущемъ, расширяясь, они бы встрѣтились и объединились *).

Почти все сказанное сейчасъ принадлежитъ къ вещамъ, далеко не новымъ и даже довольно избитымъ. Но мы считаемъ нелишнимъ напомнить эти неновыя мысли, въ виду того унынія, которое распространено теперь почти во всѣхъ общественныхъ кругахъ Россіи, которые, къ сожалѣнію, слишкомъ привыкли смотрѣть на вещи только съ точки зрѣнія минуты и не видѣть тѣсной и все болѣе растущей связи хода дѣлъ въ Россіи съ таковымъ же въ З. Европѣ. Мы сочтемъ свое напоминаніе вполнѣ достигшимъ цѣли, если оно остановитъ вниманіе хоть небольшаго числа людей въ Россіи на важности настоящаго момента въ З. Европѣ и на существованіи упомянутой связи и побудитъ ихъ подумать о необходимости энергично приняться за приготовленія къ тому, чтобъ начинающійся историческій моментъ не прошелъ для Россіи такъ же безплодно, какъ прошла недавняя эпоха.

II.

Мы не можемъ оставить пера, не обратившись болѣе спеціально къ одному изъ общественныхъ элементовъ въ Россіи, — а именно къ ближайшимъ нашимъ землякамъ украинцамъ.

Въ Россіи нѣтъ другаго элемента, который бы въ такой степени былъ заинтересованъ въ установленіи въ ней политической свободы и вмѣстѣ съ тѣмъ въ дѣлѣ соціально-экономическихъ уступокъ массамъ народа, какъ созна-

*) Считаемъ не безполезнымъ прибавить здѣсь одну только подробность, — а именно о необходимости возможно большаго привлеченія въ предлагаемыя политическія общества лицъ военныхъ. Какъ мы замѣтили еще въ 1878 г. въ брошюрѣ «До чего довоевались?» (перепечатанной въ петерб. тайной типографіи подъ заглавіемъ «Результаты послѣдней войны») армія въ Россіи есть главная сила, которая можетъ ускорить и облегчить тяжелый кризисъ перехода отъ деспотизма къ свободѣ.

тельные украинцы. А потому имъ бы должно принадлежать одно изъ первыхъ, если не первое мѣсто во всякой дѣятельности для означенныхъ цѣлей. И дѣйствительно, въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій, украинцы не разъ являлись иниціаторами въ вопросахъ, связанныхъ съ этими цѣлями. Такъ уже Квитка былъ однимъ изъ самыхъ раннихъ начинателей въ Россіи литературы популяризаторской; такъ ни одинъ писатель въ Россіи не превзошелъ Шевченка энергіей протеста крѣпостному праву и любви къ мужику. Въ то же время украинцы (Венелинъ, Максимовичъ, Срезневскій, Бодянскій и др.) основали въ Россіи ученую славистику, — а Костомаровъ, еще въ 40-е годы, идя по слѣдамъ общества Соединенныхъ Славянъ 1824—1825 гг., тоже состоявшаго по большей части изъ украинцевъ, хотя еще и не сознавшихъ себя таковыми, — поставилъ вопросъ славянскій въ связи съ вопросомъ свободы и самоуправленія областей въ Россіи и потомъ далъ научно-историческія основы демократически-федеральнымъ стремленіямъ всѣхъ русскихъ. Въ 60-е годы т. наз. украйнофилы и украинскіе хлопоманы были начинателями «народничества», какъ своими работами по этнографіи, обычному праву и т. п., такъ и своими школами и иными опытами «хожденія въ народъ» и поселенія въ немъ Въ 70-е годы, когда русское народническо-соціалистическое движеніе обнаружило недальновидность въ отрицаніи значенія вопросовъ политическихъ, не только внѣшнихъ, какъ славянскіе, но и внутреннихъ, конституціонныхъ, и въ то же время стало сбиваться на націоналистическую мистику московскаго самобытничества (Земля и Воля, Черный Передѣлъ и т. п.),— украинцы первые отозвались дѣятельнымъ сочувствіемъ сербско-болгарскому движенію и поставили вопросъ о политической свободѣ въ Россіи въ первую очередь, а въ тоже время пробовали вносить въ массу народа опыты научнаго, европейско американскаго, соціализма. Не лишено значенія и то, что первые опыты земско либеральнаго союза были сдѣланы на Украйнѣ, оказавъ вліяніе и на противныхъ прежде всякому «умѣренному либерализму» русскихъ соціальныхъ революціонеровъ и народниковъ *).

*) Въ подтвержденіе послѣдняго сообщенія мы можемъ указать *пока* только на напечатанную въ 1879 г. во Львовѣ брошюру «Ближайшія задачи земства», перепечатанную потомъ въ 56 № «Вольнаго Слова». Здѣсь между прочимъ поставлено цѣлью земской агитаціи— созваніе *Учредительнаго Собранія*, — терминъ (не совсѣмъ удачный)

Послѣ того украинцы же защищали идею неотъемлемыхъ ни для кого, ни даже для народнаго собора, правъ человѣка и столь нужную для всѣхъ народовъ и областей обширной Россіи идею мѣстнаго самоуправленія, защищали не только противъ реакціонеровъ, но и противъ централистическаго якобинизма, который было взялъ верхъ въ русскихъ революціонныхъ кружкахъ и даже нашелъ себѣ поддержку и въ Польшѣ.

Но если такимъ образомъ украинцамъ далеко не недоставало изобрѣтенія: инициативы и даже синтеза теоритическаго (вещь особенно рѣдкая въ Россіи), — то, къ сожалѣнію, они обнаружили не разъ отсутствіе настойчивости, послѣдовательности, организаціи и синтеза практическаго, — а потому не только не разъ оставались назади, но даже видѣли, какъ ихъ же изобрѣтенія обращались противъ нихъ же самихъ. Во особенности вредно отозвались на украинскихъ интересахъ педальновидность и пассивность «украйнофиловъ» въ антрактъ конца 1860-хъ годовъ, подобный нынѣшнему. Было бы большимъ бѣдствіемъ не для одной только Украйны, а для судьбы федеральнаго принципа во всей Восточной Европѣ, если бы въ настоящій антрактъ повторились со стороны украинцевъ подобныя же ошибки.

Ходъ дѣлъ въ Украйнѣ Россійской тѣсно связанъ съ ходомъ ихъ въ Украйнѣ Австро-Венгерской, — въ которой нѣкоторая политическая свобода даетъ возможность проявиться и стремленіямъ украинцевъ изъ Россіи. Такой или иной характеръ партіи, которая въ Австріи, особенно въ Галиціи, считается по преимуществу украинской, вліяетъ и на положеніе украинцевъ въ Россіи. Въ этомъ отношеніи въ началѣ 70-хъ годовъ узко- и поверхностно-національный и клерикальный характеръ галицкой украйнофильской партіи имѣлъ чрезвычайно невыгодное вліяніе для репутаціи украинскихъ стремленій въ самой Россіи. Въ настоящее время положеніе украинизма въ Галичинѣ едва ли еще не болѣе неблагопріятно. Теперь тамъ можно различить слѣдующія русскія партіи:

№ I. *Старые святоюрцы* *), (газеты Слово, Н. Проломъ, Наука и др.), которыхъ поляки зовутъ москвофилами, а многіе русскіе считаютъ «общеруссами», — партія клерикально-

который потомъ составилъ главный пунктъ требованій и «народновольцевъ», которые впрочемъ ставили его еще неудачнѣе.

*) Св. Юръ = Юрій — соборъ и резиденція митрополита въ Львовѣ.

бюрократическая, которой вожди стоятъ въ литературѣ больше за языкъ церковнославянскій, чѣмъ за какой бы то ни было живой и народный русскій языкъ, а въ политикѣ подаютъ руку въ одну сторону австро-нѣмецкимъ бюргерскимъ централистамъ (депутатъ Ковальскій) и даже абсолютистамъ (Ад. Добрянскій) а въ другую россійскимъ реакціонерамъ (И. Наумовичъ) и даже просто тайной полиціи (Мир. Добрянскій, Вл. Наумовичъ).

№ II. *Новые святоюрцы,* (газеты Миръ, Русь) которые уже признаютъ мѣстный народный (малорусскій, украинскій) языкъ и отчасти національныя украинскія стремленія, какъ форму, но открещиваются отъ сущности россійско-украинскаго движенія, отъ его радикализма политическаго, соціальнаго и культурнаго, и даже, вслѣдствіе своего уніатскаго клерикализма, или отказываются отъ всякаго интимнаго общенія съ украинцами въ Россіи (являясь т. о. въ національномъ отношеніи австро-*рутенцами*) или же задаются фантастическими цѣлями привлечь къ уніатству, не безъ старопольскихъ политическихъ тенденцій, и Россійскую Украйну!!

№ III. *Народовцы,* — считаемые въ Россіи и Австріи украйнофилами (газеты Дѣло, Зоря, Батьковщина, отчасти Буковина и др.), которые, хотя и дѣйствительно возникли въ 60-е годы подъ вліяніемъ тогдашняго демократическаго движенія въ Украйнѣ Россійской, но съ теченіемъ времени все болѣе приближались къ *рутенцамъ*, такъ что напр. въ настоящее время имѣютъ съ этимъ движеніемъ общаго почти только одно отношеніе къ народному украинскому языку *).

---

*) Уже изъ представленной характеристики гал. русск. партій можно видѣть, что у нихъ играетъ видную роль вопросъ литературный. Мы не можемъ здѣсь очень много распространяться объ этой сторонѣ дѣла, — а замѣтимъ только, что въ Россіи она оцѣнивается весьма невѣрно, даже въ славянофильскихъ и украйнофильскихъ кружкахъ, которые болѣе другихъ интересуются Галиціей, но почти одинаково судятъ о тамошнихъ партіяхъ болѣе по кличкамъ и другимъ видимостямъ, чѣмъ по сущности дѣла. Вслѣдствіе этого въ Россіи придаютъ большое значеніе борьбѣ между партіями №№ I и III изъ за языковъ — «народно-украинскаго» — и «литературно-русскаго» т. е. будто бъ то великорусскаго, — языка Пушкина, и т. п. Между тѣмъ, если обратиться къ галицкой полемикѣ 60-хъ годовъ, когда разгорѣлась упомянутая борьба, то увидимъ во 1-хъ, что подъ словами «русскій, книжный, литературный» языкъ тогда разумѣлся въ Галичинѣ мѣшанный церковно-польско-малорусскій языкъ мѣстныхъ семинарій, какой и до сихъ поръ остался въ органахъ партіи

Одно время, въ 70-е годы, усиленное давленіе на Галичину россійскихъ украинцевъ, — въ видѣ статей въ петербургскихъ и кіевскихъ и, на сколько можно было, въ галицкихъ изданіяхъ, коллективныхъ писемъ и личныхъ сношеній, а также вліяніе образовательныхъ западноевропейскихъ центровъ, въ родѣ Вѣны и Цюриха, и др. на учившуюся тамъ галицкую молодежь, повело было къ зачатку новаго, дѣйствительно народнаго, въ европейскомъ смыслѣ слова, т. е. радикально-демократическаго и прогрессивнаго направленія въ молодежи *объихъ* тогдаш-

---

№ I, — а во 2-хъ, и главное, — что тогда съ произведеніями украинскихъ писателей изъ Россіи проникъ въ Галичину не только народный (все жъ таки по своему русскій) языкъ, но и формы и идеи новой русской литературы: натурализмъ, демократизмъ и свободно-прогрессивныя общественныя стремленія. *Вотъ противъ этихъ то новыхъ литературныхъ и общественныхъ идей, равно какъ и противъ болѣе сильныхъ писательскихъ дарованій, главнымъ образомъ и возстало галицкое бурсачество вообще и мѣстныя схоластическія бездарности въ особенности.* Дѣло мало бы перемѣнилось, еслибъ вмѣсто Шевченка принесли тогда въ Галичину Некрасова, вм. М. Вовчка — Тургенева, вм. Костомарова — Щапова или даже Илловайскаго, вм. Кулиша — Добролюбова, или даже Апол. Григорьева или Ор. Миллера, — развѣ только что названные великоруссы не такъ скоро могли бы тамъ пустить корни. Борьба галицкаго бурсачества съ украинскимъ демократизмомъ приняла формально-языковый видъ главнымъ образомъ вслѣдствіе вмѣшательства въ споръ московскихъ централистовъ, мало вникшихъ въ суть дѣла. Теперь языковая борьба въ сущности вовсе не такъ велика въ Галичинѣ, какъ думаютъ многіе въ Россіи: теперь не только партіи №№ III и II почти одинаково признаютъ уже значеніе народнаго (= украинскаго) языка, но и наиболѣе дѣятельные люди партіи № I-го напр. самъ г. И. Наумовичъ (который, замѣтимъ, неоднократно заявлялъ, что онъ не доволенъ и великорусскимъ литер. языкомъ, а стоитъ за какой то «твердый», церковно-все-русскій) признаютъ языкъ народный же въ народныхъ изданіяхъ и школахъ, — что и составляетъ главный практическій вопросъ въ Галичинѣ. Но въ то же время, если украинизмъ т. о. можно сказать одержалъ побѣду надъ всѣми галицкими партіями въ формальной сторонѣ дѣла, то старое бурсачество, культурное и общественное и даже литературное, вовсе не сломано тамъ, а продолжаетъ жить подъ новыми оболочками не только въ обѣихъ святоюрскихъ партіяхъ, но и въ самой «украйнофильской», и борется тамъ не только съ новыми прогрессивными стремленіями, какъ возникающими на мѣстной почвѣ, такъ и проникающими изъ З. Европы и Россійской Украйны, но даже старается (выражаясь языкомъ Ив. Аксакова) выхолостить и прежде принятую имъ въ себя струю украинскаго движенія. Вотъ въ этомъ и заключается главная причина качественной слабости галицко-украинской литературы и главная опасность для ея существованія среди сосѣднихъ литературъ. Нѣтъ страшнѣе цензуры, какъ собственная тупость и добровольное холопство!

нихъ гал.-русскихъ партій (№№ I и III)*). Старые народовцы, какъ и старые святоюрцы, всячески боролись противъ этого новаго движенія и особенно ожесточенно накинулись на него, когда противъ этого новаго народовства выступила и польско-австрійская полиція, какъ противъ революціоннаго *нигилизма*. Подъ тяжестью доносовъ, въ которыхъ соперничали между собою всѣ старыя партіи, русинскія, какъ и польскія, которыя не только поддерживали полицію, но и призывали ее къ самому противуконституціонному произволу, новое движеніе изнемогло и сосредоточилось было только въ небольшомъ кружкѣ, принявшемъ имя *соціалистовъ*. Кружокъ этотъ издалъ между прочимъ три выпуска сборника «Громадскій Другъ» въ которомъ болѣе чѣмъ гдѣ нибудь въ галицкихъ изданіяхъ найдете свѣдѣній о мѣстной народной жизни, а вмѣстѣ переводовъ извѣстныхъ европейскихъ писателей прогрессивнаго направленія, которымъ посвящена и значительная часть изданія того же кружка «Дрібна Бібліотека»; онъ же сталъ на помочь и земско-либеральной оппозиціи въ Россіи, печатая брошюры, какъ «Ближайшія задачи земства» съ «Адресомъ черниговскаго губ. земск. собранія», «Мартовское движеніе кіевскихъ студентовъ», «Молодежь, правительство и общество въ Россіи»; онъ же поддерживалъ и польскую рабочую печать, сдерживая въ то же время централистическія, историческія польскія идеи, которыхъ оказались не чужды и польскіе соціалисты. Все это новое движеніе оказало вліяніе и на массы мѣщанъ и селянъ, — гдѣ впрочемъ параллельно шло свое движеніе: разочарованія въ прежнихъ поповско-чиновническихъ руководителяхъ и стремленія съ самодѣятельности, къ свѣтскому образованію и улучшенію своего матеріальнаго положенія.

Къ концу 70-хъ годовъ даже и старыя галицкія партіи увидѣли необходимость уступить новымъ движеніямъ и въ то же время сблизиться между собою, перейдя отъ чисто формальной, національнстической фразеологіи, отъ церковной

*) Отмѣтимъ, что такой результатъ былъ достигнутъ между прочимъ и тѣмъ, что россійскіе украинцы въ своей критикѣ галицкихъ дѣлъ становились *выше* препирательствъ тамошнихъ партій, отмѣчая ошибки, а также заслуги ихъ обѣихъ, и распространяли среди галичанъ, вмѣстѣ съ украинскими, также и произведенія демократической и прогрессивной литературы великорусскаго языка. Крупнѣйшимъ послѣдствіемъ такого вліянія изъ Россіи было соединеніе въ 1876 г. двухъ львовскихъ студенческихъ обществъ различныхъ прежде партій въ одно. (Объ этомъ см. въ газетѣ «Другъ» 1876—1877 гг.).

мертвечины и сервилистическаго политиканства къ работѣ среди массъ народа на почвѣ вопросовъ соціально-экономическихъ и просвѣщенія. Народные митинги, образованіе разныхъ кооперативныхъ обществъ, читаленъ и проч., заявленія газетъ (особенно популярной «Батьковщины») о необходимости *свѣтскихъ* сеймовыхъ и парламентскихъ кандидатуръ, о потребности выйти за предѣлы уніатскаго русинизма (русины въ самой Австріи есть и православные, и католики, а въ послѣднюю перепись даже многіе евреи-земледѣльцы записали себя русинами) и выступить съ защитою интересовъ и польскихъ селянъ, — все это заставляло надѣяться скораго образованія въ Галичинѣ дѣйствительно-народной партіи, въ родѣ европейскихъ «демократовъ», «радикаловъ», «соціал-демократовъ» и т. п.*)

Но галицкіе народовцы, — главнымъ образомъ по недостатку образованія, но также и по слабости нравственной выдержки, — погнались (во второй разъ съ 60-хъ годовъ) за цѣлью поскорѣе, безъ труда, явиться партіею, вліятельною въ глазахъ оффиціальнаго міра, а потому скоро отодвинули на задній планъ работу среди народа, спрятали всякія прогрессивныя знамена и обратились къ поповству, въ которомъ еще сильно было вліяніе старой святоюрской партіи**), и къ теперешнему австрійскому, клерикально-консервативному, правительству. При этомъ народовцы упустили изъ виду одно, очень важное обстоятельство, — а именно то, что, послѣ насильственнаго обращенія уніатовъ Ц. Польскаго въ православіе, при помощи духовныхъ, приглашенныхъ изъ Галичины, на мѣсто которыхъ явились въ эту послѣднюю непокорные уніатскіе духовные изъ Ц. Польскаго, и Галичина *фатально* должна была стать ареною борьбы папизма и іезуитовъ съ петербургскимъ Св. Синодомъ ***). Недальновидные галицкіе политиканы разныхъ

*) Намъ кажется, что нынѣшнему состоянію Галичины соотвѣтствовала бы *практическая* программа, которая бы была ближе къ программамъ европейскихъ (напр. ирландскихъ, англійскихъ, французскихъ) радикаловъ, крестьянскихъ (напр. въ Англіи, Скандинавіи) и рабочихъ партій, чѣмъ *теоретиковъ* «чистаго» соціализма, за которыми, конечно, остается значеніе идейныхъ пропугнаторовъ.

**) Въ угоду этому поповству народовцы уступили между прочимъ и украинскую фонетическую правопись, — противъ которой, по заявленіямъ крестьянъ прошлогоднимъ «вандровникамъ»-студентамъ, самъ «народъ» ничего не имѣетъ.

***) Замѣтимъ при случаѣ, что упомянутое обращеніе уніатовъ имѣло между прочимъ послѣдствіемъ развитіе среди оскорбленныхъ насиліемъ русиновъ Ц. Польскаго — настроенія римскокатолическаго

оттѣнковъ, вмѣсто того чтобъ подрѣзать самыя основанія этой несвоевременной и въ всѣхъ отношеніяхъ вредной для страны борьбы работою среди народа около реальныхъ, свѣтскихъ интересовъ и свѣтскаго образованія, (къ чему, какъ указано выше, звало ихъ движеніе среди самаго народа) — сами кинулись съ головою въ клерикальную агитацію разныхъ направленій. Эта агитація тѣмъ болѣе вредна для народныхъ интересовъ и тѣмъ болѣе странна со стороны сколько нибудь образованныхъ людей, что она завязалась изъ за трехъ церквей (Православіе, Католицизмъ, Унія) которыя одинаково не только находятся въ противурѣчіи со всею новою цивилизаціею, по своей догматикѣ, эсхатологіи и пр., но и по своему іерархическому строю не согласимы съ принципомъ народнаго самоуправленія *). Въ частности народовцы, сначала, желая показать свое усердіе къ «руской (?) родной (??) вѣрѣ» (Уніи) передъ духовенствомъ (преимущественно низшимъ) занялись было, въ союзѣ съ старыми святоюрцами, агитаціей противъ іезуитовъ за ун. монастыри, порученные іезуитамъ папою для «реформы», — т. е для насажденія тамъ прочнаго польско-ультрамонтанскаго духа. При этомъ наивные галичане сманивали высшія ватиканско-вѣнскія сферы на свою сторону отъ іезуитовъ и поляковъ перспективою «обращенія въ Унію всего Востока!». Вслѣдъ за тѣмъ, когда нѣкоторые изъ старыхъ святоюрцевъ сами пустились въ православную агитацію и въ Галичинѣ, народовцы, желая отличиться передъ духовенствомъ (на этотъ разъ преимущественно передъ высшимъ) и передъ правительствомъ, которое имѣло безтактность начать противъ г. И. Наумовича и тов. процессъ изъ за ихъ религіозныхъ и литературныхъ идей, кинулись въ чисто полицейскій австро-уніатскій консерватизмъ **). Не удивительно, что въ такихъ

и даже польскаго и перенесло дирекцію ихъ совѣсти въ ультромонтанскую Галицію.

*) Если уже народовцы сочли нужнымъ заняться церковными дѣлами, не сходя съ почвы «родной вѣры», то по истинѣ удивительно, почему они не подняли агитаціи противъ такого отсталаго и противнаго національнымъ и народнымъ интересамъ учрежденія, какъ церковный «патронатъ» помѣщиковъ, ни въ пользу хоть организаціи выборныхъ громадами парохіальныхъ совѣтовъ, если уже не выбора священниковъ.

**) Прибавимъ, что главный тогдашній вождь народовцевъ, редакторъ «Дѣла», Вл. Барвинскій, забѣгалъ и въ польскій лагерь съ фразами о возстановленіи независимой Польши рядомъ съ независимой Русью (Украйной) и въ то же время получилъ отъ гр. Игнать-

метаніяхъ народовцы растеряли и то небольшое количество принциповъ, какое у нихъ было. Надо замѣтить, что вся эта эволюція народовцевъ совершилась въ значительной степени вслѣдствіе ослабленія давленія на Галичину радикально-прогрессивныхъ идей изъ Россійской Украйны, гдѣ въ свою очередь недальновидные люди пробовали было скомпоновать ad usum Delphini украйнофильство консервативное, — политическое и религіозное (здѣсь, конечно, православное) *).

Тѣмъ часомъ Ватиканъ, а также вѣнскіе и польскіе оффиціалы, замѣтивъ, что, въ виду начавшагося пробужденія самаго народа, русиновъ уже нельзя совсѣмъ спрятать въ карманъ, задумали образовать, «для собственнаго употребленія» (внутренняго, а, при случаѣ, въ виду новой восточной политики Австріи, и внѣшняго), — русинскихъ легалистовъ безъ всякихъ независимо-украинскихъ, «козацко-шизматицкихъ, панславистическихъ и нигилистическихъ», аллюровъ и организовали партію № II, подъ командою новаго митрополита. Народовцы уже тотчасъ послѣ назначенія его, — (не догадавшись, что значитъ смѣна его «слабаго» предшественника, хотя искренняго ультрамонтана) — ходили бить челомъ новому прелату и предложили ему стать ихъ «кормчимъ не только въ дѣлахъ церковныхъ, но и въ народныхъ», намекая только на условія, въ родѣ

ева допущеніе «Дѣла» въ Россію, — что было одной изъ причинъ, почему народовцы отнеслись безучастно (а иные даже враждебно) къ земско-либеральному движенію въ Россіи, которое тогда имѣло органъ, общій съ украинскимъ радикальнымъ федерализмомъ. (Теперь дебитъ «Дѣла» въ Россію отнятъ, послѣ того, какъ оно отрекомендовало всѣмъ русинамъ (=украинцамъ) ультрамонтанскую программу станиславовскаго епископа Пелеша).

*) Пока мы можемъ сказать только, что въ этомъ компоновании прегрѣшилъ самъ Н. И. Костомаровъ, который въ эпоху Лорисъ-Меликовскихъ, вѣяній печаталъ статьи, въ которыхъ соблазнялъ правительство перспективою уничтоженія штунды и др. сект посредствомъ евангелія и проповѣди на украинскомъ языкѣ. Знаменитый историкъ точно не зналъ, что только тѣ національныя возрожденія успѣваютъ, которыя идутъ на встрѣчу прогрессивнымъ движеніямъ въ своемъ населеніи, — и даже какъ будто забылъ, что распространеніе евангелія на народныхъ языкахъ вездѣ не спасало оффиціально-іерархическія церкви, а разлагало ихъ. Св. Синодъ знаетъ это лучше украйнофильскихъ консерваторовъ. (Мы говорили объ этомъ подробно въ статьѣ «Языки, конфискованные св. Синодомъ», — въ 26 № «Вольнаго Слова»). Замѣтимъ, что и украйнофильствующіе клерикалы въ Галичинѣ, вовсе не усердствуютъ распространять Новый Завѣтъ переведенный гг. Кулишемъ и (галичаниномъ) Пулюемъ.

признанія національной самостоятельности русиновъ да принятія въ «мужи совѣта» людей ихъ партіи, — «новыхъ Катоновъ», какъ говорилъ В. Барвинскій! Теперь ультрамонтанская іерархія, которая, *уже по природѣ своей, не уступчива,* — предложила народовцамъ стать подъ команду «архикнязя церкви» безъ всякихъ оговорокъ.

Съ тѣхъ поръ народовцы окончательно теряютъ голову. Они кидаются противупоставить митрополиту такого же, если даже не большаго, ультрамонтана, — новаго станиславовскаго епископа*). Они отмалчиваются на всѣ укоры новыхъ святоюрцевъ въ недавнихъ уступкахъ свѣтскому духу, «гайдамацтву», даже въ родѣ перепечатки «Дѣломъ» изъ «Кіевской Старины» ученой статьи объ участіи мірянъ въ церковныхъ дѣлахъ и о братствахъ въ старой Украйнѣ, — то съ негодованіемъ отвергаютъ обвиненіе въ вѣроисповѣдномъ индифферентизмѣ, какъ въ уголовщинѣ (въ странѣ, гдѣ, по законамъ, можно быть совсѣмъ безъ вѣроисповѣданія!) торжественно подписываются — уже послѣ выборовъ! — подъ явно ультрамонтанской программой еп. Пелеша и цензируютъ самаго батька-Шевченка отъ всякихъ противуцерковныхъ, особенно противуримскихъ, тирадъ, подъ лживымъ предлогомъ, будто эта операція необходима въ педагогическихъ цѣляхъ.

Идейная и моральная несостоятельность народовцевъ ярко выразилась въ ихъ манифестѣ о новомъ полит. обществѣ «Народна Рада», гдѣ, на мѣсто всякихъ общественныхъ принциповъ, выдвинута необходимость возстановить «*довѣріе въ горѣ*» (въ высшихъ сферахъ), подорванное-де заявленіями ст. святоюрцевъ объ этнографическомъ и литературномъ единствѣ галичанъ съ великороссами. Эта безпринципность и холопство людей, которые еще недавно сами справедливо обвиняли ст. святоюрцевъ въ безпринципномъ сервилизмѣ, — только и оживило ст. святоюрство, видимо уже вымиравшее. Теперь органы этого послѣдняго направленія, хотя тоже чужды всякой положительной программы, но имѣютъ по крайней мѣрѣ значеніе отрицательной оппозиціи дѣйствительно печальному во всѣхъ отношеніяхъ состоянію страны. Иногда же эти реакціон-

*) Во время прошлогоднихъ выборовъ въ парламентъ народовцы поставили было еп. Пелеша, на смотря на его отказъ, даже кандидатомъ противъ митрополитскаго, — приглашая въ то же время избирателей «слушаться своихъ духовныхъ отцевъ», чѣмъ заранѣе сами проваливали своихъ кандидатовъ передъ ставленниками архи-отца.

ные, противуукрайнофильскіе органы проговариваются по вопросамъ аграрнымъ и церковнымъ идеями и предложеніями, гораздо болѣе согласными съ основами украинскаго движенія, чѣмъ заявленія галицкихъ лжеукрайнофиловъ. А недавно одинъ изъ нихъ (Новый Проломъ) напечаталъ у себя статью о Шевченкѣ, гораздо болѣе радикальную и представляющую украинскаго поэта въ гораздо болѣе вѣрномъ свѣтѣ, чѣмъ тотъ, въ какомъ его препарируютъ теперь народовцы, — изображая его только защитникомъ *ридной мовы* и противникомъ *зажернои Москвы**). Противъ такого усиленія старой святоюрской партіи на ихъ счетъ, народовцы не находятъ лучшаго средства, какъ формальные доносы — въ сочувствіи православію и «московскому» языку, будто бъ то не совмѣстимомъ съ австрійскимъ вѣрноподданствомъ. Старые святоюрцы съ своей стороны возражаютъ вполнѣ резонно, что область религіозныхъ и этнографическо-литературныхъ убѣжденій раздѣляется отъ политики даже австрійскими законами. Но въ тоже время они отплачиваютъ народовцамъ (а по дорогѣ и россійскимъ украйнофиламъ) соотвѣтственными доносами въ разрушительномъ «кіевскомъ» панславизмѣ, въ сепаратизмѣ, въ желаніи оторвать Галичину отъ Австріи въ пользу то всеславянской республики, то козацкой державы, то даже Польши съ Литвою и Русью, въ анархическомъ нигилизмѣ и т. п. — на каковыя обвиненія народовцы считаютъ нужнымъ отвѣчать отреченіемъ отъ всякихъ прогрессивныхъ идей, отъ всякой независимости **).

---

*) Въ статьѣ этой впрочемъ, по галицкому обычаю, бездна фактическихъ ошибокъ и тенденціозныхъ извращеній.

**) Въ параллель сказанному въ прим. на стр. 12—13, мы должны сказать и тутъ о литературной сторонѣ этой борьбы между двумя партіями. Если мы вспомнимъ, что и т. наз. «москвофилы» признаютъ необходимость народнаго языка по кр. м. въ элем. школахъ и популярной литературѣ, — то увидимъ, что эта борьба не только недостойна въ настоящей своей формѣ, но и совершенно излишня. Если «москвофилы» все таки противупоставляютъ «книжный» языкъ народному, — то ихъ книжный языкъ (замѣтимъ опять: вовсе не «московскій») и ихъ «высшая» литература (о коей могутъ дать понятіе напр. фельетоны «Слова» и «Н. Пролома») — такая бурсацкая мертвечина (какой подобную по содержанію можно найти въ Россіи развѣ въ альманахахъ молодаго Булгарина) что о конкурренціи ея съ сколько нибудь живою гал.-украинскою литературою не можетъ быть и рѣчи. Что же до настоящей «московской» литературы, — то она, по кр. м. еще долго не сможетъ отнять почву въ Галичинѣ у литературы гал.-украинской, уже потому, что она все таки далека отъ этой почвы и по языку, и по деталямъ своего содержанія. По духу же

Предшествующій, по неволѣ растянувшійся, очеркъ, надѣемся, убѣдитъ всякаго сколько нибудь безпристрастнаго читателя какъ въ томъ, что всѣ три галицкорусскія партіи въ теперешнемъ видѣ своемъ страшно вредятъ своему народу, и въ томъ, что они препятствуютъ Галичинѣ стать одною изъ точекъ опоры освободительно-демократическаго движенія въ Россіи, (роль, въ родѣ той, какую игралъ Тессинскій кантонъ для освобожденія Италіи и какую было начала играть Галичина въ к. 70-хъ годовъ) такъ и въ частности въ томъ, что теперешніе галицкіе «украйнофилы» могутъ только вредить украинскому движенію въ Россіи, — компрометируя его въ глазахъ всѣхъ прогрессивныхъ элементовъ и въ тоже время, вовсе не спасая его отъ полицейскихъ обвиненій въ сепаратизмѣ и даже прибавляя основанія обвинять его въ новыхъ винахъ: въ папизмѣ и измѣнѣ въ пользу Австріи *).

своему, *какъ это доказываютъ опыты*, эта литература, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, можетъ только помогать обращенію галицкой интеллигенціи къ реализму и демократизму, а за тѣмъ неизбѣжно и къ народному языку, — т. е. только поддерживать дѣйствительное народно-украинское направленіе и при томъ гораздо лучше, чѣмъ многія издѣлія самихъ народовскихъ писателей, изъ коихъ иные тоже мало ушли отъ Булгарина. Наполненіе народовскихъ изданій подобными издѣліями да упражненіями украйнофильскаго деллетанства и «нѣкоснимательства», въ ущербъ изложенію на гал.-укр –омъ языкѣ результатовъ европейской прогрессивной мысли и даже научному изслѣдованію мѣстной народной жизни, гораздо опаснѣе для будущаго самостоятельности гал.-укр—ой культуры, чѣмъ мертвечина «москвофильскихъ» газетъ и даже чѣмъ самыя крупныя субсидіи, какія могутъ сорвать нѣсколько галицкихъ спекулянтовъ съ довѣрчивыхъ «москалей».

*) Послѣднія строки были написаны, когда появилась въ Wiener Allg. Zeitung статья (врядъ-ли нѣмецкаго автора) въ которой народовцы горячо рекомендуются вѣнской «горѣ», какъ единственно-вѣрная, консервативная и религіозная партія въ краѣ и вмѣстѣ сообщается, что и «въ Россіи многіе русины желаютъ уже своего объединенія подъ Австріей». Интересно, что, въ параллель народовскимъ поклонамъ «*горѣ*», Костомаровъ писалъ мнѣ въ 1878 г. что «намъ (украинцамъ) нужна теперь не публицистика, а популярная литература, которая возможна только при полномъ *согласіи съ властію*, а не при какой бы то оппозиціи». Если бы даже и такъ, — то во первыхъ, какое можетъ быть средство согласить съ нами власть напр. гр. Дм. А. Толстого, а главное, какой мудрецъ найдетъ *общеукраинскую* формулу, для пріобрѣтенія *довѣрія въ горѣ*, гдѣ сидятъ на одной вершинѣ папскій нунцій, австрійскій генералъ, венгерскій магнатъ и польскій панъ, а на другой гр. Дм. А. Толстой и г. Побѣдоносцевъ, имѣя съ зади себя, отъ верху до низу, цѣлые ряды государственно-національныхъ централистовъ, отъ катковцевъ до народовольцевъ? Покамѣстъ за наши такія старанія передъ «горою»

Но нелѣпая съ точки общеукраинской политика народовцевъ не много имѣетъ смысла даже на тѣсной австро-русинской и даже на одной галицкой почвѣ. Мы не станемъ навязывать нашимъ австрійскимъ землякамъ, которые живутъ все таки въ конституціонной державѣ, противугосударственной и даже противудинастической политики, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ для нихъ былъ обязательнымъ сервилизмъ предъ теперешнимъ магнатско-консервативнымъ и клерикальнымъ направленіемъ вѣнскихъ правящихъ кружковъ и тѣмъ болѣе, что, даже если не говорить о томъ, что и въ самой Австріи не всѣ русины уніаты, въ *самихъ массахъ народа въ Галичинѣ клерикализмъ, а равно и безусловный цезаризмъ, сильно ослабѣлъ въ послѣднее время* *). Въ виду теперешняго движенія въ массахъ народа благоразумнѣе, даже съ тактической точки зрѣнія, предоставить консервативнымъ кругамъ, свѣтскимъ и церковнымъ, самимъ сдѣлать уступки народному элементу, нежели идти имъ на встрѣчу, отказываясь отъ драгоцѣннѣйшихъ пріобрѣтеній новѣйшей цивилизаціи и отъ своей будущности. Что касается въ частности до клерикально-ультромонтанскихъ круговъ, — то они уже и теперь, самою необходимостію конкурировать съ петербургско-московскимъ православіемъ, *принуждены* признать прип-

мы можемъ ждать только съ горы — перекрестныхъ ударовъ, а съ боковъ — единодушныхъ плевковъ. Удивительно, какъ даже самъ основатель федеративно-демократическаго, украинско-славянскаго братства упустилъ изъ виду что теперь *украинскій вопросъ уже попалъ во всемірно-историческій водоворотъ* — культурный, соціальный, политическій, междугосударственный, — въ которомъ безъ яснаго знамени уже ничего не сдѣлаешь для своей идеи, и въ то же время можешь и лично не сносить головы.

*) Доказательства см. въ нашей книжкѣ «Нові Украjінські Пісні про громадські справы» а также въ «Громадскомъ Другѣ», 55, 70—70, 255—260 (въ томъ числѣ признаніе самаго священника Торонскаго), въ «Вольномъ Словѣ», №№ 48, 49, 52, 54 (Письма изъ Австр. Украйны, особенно г. М—она). На мѣсто прежняго австрійскаго цезаризма теперь въ Прикарпатской Руси явно распространяется своего рода царизмъ московскій, — т. е. вѣра, что московскій царь надѣлитъ крестьянъ землею. Подобныя идеи ходятъ даже среди польскихъ крестьянъ. Въ церковной сферѣ недовольство гал.-русск. народа выражается не только повсемѣстнымъ проявленіемъ скептизма, — правда, пока еще не систематизированнаго, — но и формальнымъ отпаденіемъ отъ Уніи цѣлыхъ селъ, въ томъ числѣ и (параллельно нашей штундѣ) въ протестантство, которое, по своему церковному строю, конечно, болѣе согласно съ украйнофильской идеей о народномъ самоуправленіи, чѣмъ уніатская, да и всякая другая іерархическая церковь.

ципъ народный; по крайней мѣрѣ въ вопросѣ языка. По этому одному уже, теперешняя народовская фракція, послѣ образованія новой святоюрской партіи, является по меньшей мѣрѣ *лишнею*. Она неизбѣжно должна по меньшей мѣрѣ распасться, отдавъ своихъ членовъ: однихъ (которые не видятъ свѣта дальше сегодня въ галицкихъ заставахъ и при этомъ вѣруютъ въ святость и незыблемость ультрамонтанскаго уніатства, или ищутъ поскорѣе сдѣлать карьеру) — этимъ н. святоюрцамъ, а другихъ — совсѣмъ новой партіи, *радикальной*, болѣе согласной съ ходомъ развитія европейскихъ народовъ, а вмѣстѣ и съ духомъ украинскаго движенія, т. е. съ идеями, отъ которыхъ Галичина не можетъ же закупориться, если бы даже того и захотѣла.

Только такая партія можетъ удовлетворить пробуждающійся къ свободѣ и культурѣ народъ галицкорусскій и дать ему приличное участіе въ движеніи къ прогрессу другихъ австро-венгерскихъ народовъ, а также послужить *общеукраинскимъ* и *всероссійскимъ* интересамъ, помогая освободительному движенію въ Россіи, — на Украйнѣ и даже далѣе, — и сама питаясь соками этого движенія.

Въ виду постоянныхъ извращеній нашихъ идей въ галицкой печати всѣхъ фракцій, мы спѣшимъ прибавить, что предполагаемая нами дѣятельность новой партіи вовсе не заключаетъ въ себѣ ничего обязательно-сепаратистическаго, а въ Австріи и ничего непремѣнно революціоннаго. Національные интересы украинцевъ въ Россіи, по нашему мнѣнію, могутъ быть вполнѣ обезпечены мѣстнымъ самоуправленіемъ, (общиннымъ, уѣзднымъ и областнымъ) а въ Австріи извѣстнымъ развитіемъ уже готовыхъ политическихъ и административныхъ учрежденій и избирательныхъ законовъ, вовсе не противнымъ основамъ даже теперешней конституціи, которая также нисколько не противна и довольно радикальнымъ соціально-экономическимъ реформамъ *).

Нѣкоторые элементы для начала предполагаемой партіи есть въ Галичинѣ уже и теперь, какъ среди лицъ, затронутыхъ неданнимъ «соціалистическимъ» движеніемъ, такъ

*) Мы ограничимся лишь общими замѣчаніями, — такъ какъ только сами галичане могутъ выработать *(въ печати, на вѣчахъ, въ обществахъ)* детальную программу избирательной и административной реформы, а также мѣръ финансовыхъ, аграрныхъ, фабричныхъ, шульныхъ и т. п., на первый разъ хотя бы *въ родѣ* англійской The Radical Programme, (съ предисловіемъ Чемберлена б. министра).

и среди «молодшихъ», болѣе европеизированныхъ и менѣе деморализированныхъ мѣстною партійною жизнію, народовцевъ, которымъ собственно и теперь принадлежитъ почти вся сколько нибудь положительная работа въ рядахъ партіи, извращаемая и эксплуатируемая узколобіемъ и политиканствомъ вожаковъ. На замѣчаніе, что образованіе еще новой партіи внесло бы еще новыя раздѣленія въ немногочисленную галицкую интеллигенцію, мы отвѣтимъ, что напротивъ того,—уже одно устраненіе вѣроисповѣдной узости изъ политики (ея *лаицизація*)—при либеральномъ отношеніи къ разнымъ понятіямъ этнографическимъ и мнѣніямъ о размѣрахъ самостоятельности галицко украинской литературы,—и сосредоточеніе работы около реальныхъ народныхъ интересовъ и свѣтскаго образованія послужило бы въ скоромъ времени основою для объединенія всѣхъ болѣе просвѣщенныхъ, независимыхъ и честныхъ умовъ, болѣе прочною, чѣмъ теперешняя византійская грызня галицкихъ кружковъ и ихъ конкурренція въ клерикальной реакціи и политическомъ сервилизмѣ. Мы вполнѣ увѣрены, что къ радикаламъ могла бы присоединиться, сначала по крайней мѣрѣ хоть по отдѣльнымъ практическимъ вопросамъ, и извѣстная часть молодшихъ и болѣе образованныхъ членовъ обновляющейся старой святоюрской партіи, особенно тѣ, которые ближе познакомятся съ *настоящей русской литературой* (а не съ славянско благотворительной только) въ Россіи, и поймутъ, что установленіе въ Россіи политической свободы и обезпеченіе тамъ развитія украинскаго народа, можетъ быть только полезно и для русиновъ Австро-Венгріи. Прибавимъ, что только лаицизація политики дастъ возможность гал.-русской демократіи, какъ привлечь на свою сторону неуніатскіе и нехристіанскіе элементы рабочаго населенія страны, такъ и организовать, вмѣстѣ съ зачатками польской демократіи, работу и на службу польскому демосу (печать, вѣча, общества) что подорветъ въ корнѣ всю теперешнюю агрессивно-національную политику польскихъ господствующихъ круговъ*).

Какъ бы тамъ ни было, но въ настоящую минуту всѣ означенные элементы для предполагаемой нами партіи въ

*) Давно уже мы указываемъ галичанамъ этотъ путь,—на которомъ первымъ шагомъ д. б. организація городскихъ и сельскихъ обществъ, рядомъ съ русскими, и польскихъ, и смѣшанныхъ, хоть бы по образцу нѣмецкихъ «бауернферейновъ». Теперь галичане дожили до клерикально-польскихъ «кулокъ рольничихъ» даже на Руси.

Галичинѣ еще слабы и, главное, нерѣшительны, такъ что врядъ-ли способны организоваться *теперь*-же безъ толчка и поддержки изъ Россійской Украйны. Мы ни на минуту не сомнѣваемся, что логика вещей вызоветъ въ Галичинѣ на сцену подобную партію въ не очень продолжительномъ времени, но все таки въ теперешній критическій моментъ всякая потеря времени будетъ имѣть печальныя послѣдствія, особенно для судьбы украинизма въ Россіи. А потому людямъ, желающимъ освобожденія и прогресса украинскаго народа въ Россіи, необходимо спѣшить выступить съ радикальной программой и въ Галичинѣ и тѣмъ болѣе, что такой шагъ, кромѣ всего прочаго, дастъ этимъ людямъ прочное положеніе и въ Западной Славянщинѣ, а это еще съ новой стороны упрочитъ ихъ значеніе и въ Россіи.

Прибавимъ въ заключеніе, что, если въ Австро-Венгріи вообще, и въ Галиціи въ частности, не выступитъ въ скоромъ времени сколько нибудь энергично радикальная партія и не сдержитъ близорукую реакцію, то и здѣсь неизбѣжно должны произойти народныя волненія. При этомъ въ частности въ Галиціи (не только украинской, но и польской) эти волненія весьма легко могутъ принять *царско-москвофильскій* характеръ, въ особенности если дѣйствительные москвофилы (которыхъ въ Галиціи еще очень мало среди людей образованныхъ) обнаружатъ больше догадливости и возьмутся не столько за православную и «твердоязычную» агитацію, сколько за аграрную, на почвѣ уже существующихъ крестьянскихъ мечтаній. При нынѣшнемъ заскорузломъ тупоуміи правящихъ польско-австрійско-венгерскихъ круговъ, даже и такой характеръ волненій въ массахъ слѣдовало бы признать полезнымъ, еслибъ онъ не увеличилъ еще болѣе хаоса идей въ народѣ и обществѣ въ Галиціи и въ самой Россіи, изъ котораго, какъ изъ всякаго хаоса, можно ожидать только какой нибудь новой реакціи.

М. Драгомановъ.

Женева.
25 Мая 1886 г.